

Смеясь, исправлять нравы

ДИАЛОГ АКТЕРА И РЕЖИССЕРА

«Театром Райкина» называют Государственный театр миниатюр: им руководит знаменитый не только в нашей стране, но и за рубежом артист, «человек с тысячью лиц» — народный артист СССР Аркадий Райкин.

Недавно эта фамилия появилась на афише нового спектакля — «Импровизация в двух частях. Лица». Но... Аркадий Райкин в нем не

участвует. «Лица» — первая самостоятельная работа младшего представителя актерской династии — Константина Райкина и известного театрального режиссера Валерия Фокина. Два зрелых серьезных человека, имея устойчивое положение в театре, бросаются в забьюк море эстрады. Что побудило их сделать такой выбор?

Фокин: Меня твое решение, Костя, не удивило. Я понял, что ты хочешь попробовать силы на «новой территории». И я обрадовался, когда ты предложил мне поставить первый спектакль в Театре миниатюр с твоим участием.

Эстрада, в сущности, тот же драматический театр, только другая его грань, иная форма. Актеры напрямую обращаются к зрителям, и они становятся партнерами, соучастниками действия. Эстрада разрешает импровизацию, смешение жанров и стилей — уже есть опыты создания драматического и даже трагического представления.

Райкин: Однако тебя, пришедшего к добротной драматургии, поначалу насторожило отсутствие логически связанного сюжета в пьесе Михаила Мишина «Лица». Ты был прямо-таки напуган группой молодых актеров, пришедших в труппу с институтской скамьи, их неопытностью, «зеленостью».

Фокин: Но у ребят было большое достоинство: они жаждали дела, ими двигали энтузиазм, желание, азарт. В итоге создался ансамбль, без которого немейский театр. Я не признаю «звездного солирования» — сцена интересна «командой» единомышленников. Даже ты, хотя и ведешь несколько центральных интермедий, не один, а «один из...».

Райкин: И слава богу! У ме-

ня, пожалуй, самое сложное положение. Я ношу фамилию, на которую еще не имею права, просто она мне досталась от рождения. И она ко многому обязывает. Считают, сын Аркадия Райкина застрахован от ошибок, без конца сравнивают с отцом, в мое спасение — в непохожести. Всю сознательную жизнь учусь у отца трудолюбию, естественности игры, мастерству трансформации. Я не копирую его манеру, она принадлежит Аркадию Райкину, ему одному. Посмотрю на отца и вижу: мне надо работать, работать и еще раз работать. Пока я это осознаю, буду расти. В искусстве нельзя пытаться встать вровень с кем-то, надо стараться быть лучше самого себя. Тогда, может быть, станешь лучше других. Эту, казалось бы, простую истину мне помог понять отец. И еще — что сатира, бичуя мерзкое, отвратительное, одновременно вытаскивает из нас хорошее, совершенствуя нравы, характеры, обычаи. Сатира — не судья, не прокурор, у нее свой кодекс чести, свои критерии.

Фокин: А их не все разделяют. Люди, меняющие свое мнение с подвижностью флюгера, могут стать общественным бедствием, но неподсудны; бездушные, не желающие помочь, косно мыслящие могут испортить жизнь — но формально не наказуемы. Как бороться с этими нравствен-

ными (вернее, безнравственными) явлениями? Вот тут-то на помощь приходит смех. Он располагает к открытости, обезоруживает, очищает. Люди смеются и по сторонам поглядывают: про кого это? Непароком грешная мысль возникает: может, про меня?

Райкин: «Лица» облачены в танцевально-музыкальную, легкую форму, а посвящены серьезным проблемам. Спектакль утверждает: истинная ценность для человека — другой человек; возможность понять друг друга — самая большая радость, никакие другие не сравнятся с ней.

Фокин: Мы говорим обо всем, что мешает найти путь друг к другу — о вещизме, растлевающем душу, о корыстных отношениях, уродующих людей, хамстве — неприкрытом и заключенном в коряктные рамки... Вспоминаю, как на одной из репетиций Аркадий Исаакович Райкин рассказывал: однажды дотошный зритель его терзал — что вы все о плохом да о плохом, хорошего что ли нет ничего?

— Вот вы пришли к врачу, — ответил Райкин, — с кильным лицом: зуб болит. А врач: «Так один же зуб-то! Остальные 31 в порядке». И отправит домой. Что делать будете? Небось, ногами затопаете на такого лекаря? Так вот, сатира то же врачевание: хоть один зуб болит, а лечить надо, а то

и вырвать, если он остальные портит.

От человека, чтобы он имел право называться таковым, не так уж много требуется: обладать чувством стыда, уметь воздавать славу совести, поклоняться бескорыстию и не подавать руки бесчестному.

Райкин: Легко сказать — не так уж много! А как это показать? Как донести до зрителя, без которого театр мертва? Театр — непременно сопереживание, соучастие. Темный зал с невидимыми со сцены лицами дает актеру вдохновение. Но ведь и зритель разный. Есть ленивый, сонный. Не хочет будоражить себя, он пришел отдохнуть, развлечься. Наша задача — заставить его проснуться, заставить работать ум.

Фокин: Я бы сравнил актера с музыкантом, который играет на себе самом. Если он хорошо владеет всеми клавишами и струнами, «инструмент» звучит в полную силу. Партия артиста — нервы и эмоции артиста. Вот почему мы уделяем столько внимания технике — мимике, голосу, пластике.

Райкин: Актер — человек ведомый. По отношению к режиссеру он всегда позади, режиссер — главный в работе. Я благодарен тебе за то, что ты принес из драматического театра вкус, чувство формы, ощущение цельности спектакля. И хотел бы, чтобы мы и впредь работали вместе. Тема человеческого общения неисчерпаема. Узнать друг друга можно, только тратя себя, проникаясь заботами и болью других, постоянно тормозя и беспокоя собственную душу.

Диалог записала
корреспондент АПН
Елена ЗОНИНА.